

ЧТО Я ДОЛЖЕН НЕ ДЕЛАТЬ?

Вопросом «Что я должен делать?» Кант выделил предметную область этики как неотъемлемой части философии в рамках традиционного деления последней на логику, физику и этику. Он при этом выражал не свою особую точку зрения, а лишь лапидарно выразил общее убеждение европейской философии¹.

Этим вопросом мораль вычленяется из обыденного сознания и поднимается на уровень, когда она становится предметом философского анализа. Сам вопрос оказывается первым, начальным определением морали, задающим направление ее философской критики и переосмысления. В предлагаемой статье я пытаюсь позитивную формулировку вопроса дополнить негативной и показать, что последняя более адекватно выражает своеобразие этики как практической философии.

1.

Вопросы не возникают на пустом месте. В особенности это относится к правильно поставленным вопросам. За ними всегда стоят определенные, часто интуитивные, знания и ожидания. Вопросы направляют на путь истины, которая в некоторой степени уже известна и заключена в самом вопросе². Рассмотрим эпистемологическую и аксиологическую подоплеку кантовского вопроса «Что я должен делать?», расчленив его на структурные элементы, свойственные всякому вопрошанию: *что* спрашивается, *кто* спрашивает и *кого* спрашивают?

Что спрашивается? Ясно, что в вопросе речь идет не о том, делать ли что-либо или нет. Такого выбора не существует. Человек не может не делать, не быть активным; у него, выражаясь языком М.М.Бахтина, нет алиби в бытии. Мораль представляет собой категорию человеческого существования, некую качественную характеристику его деятельности. В данном случае под вопросом оказывается не делание, а его наполнение и направленность. Из этого, далее, следует, что вопрос касается того, что может быть сделано различным образом, является предметом выбора. *Что* делать означает, что выбирать или, иначе говоря, как сделать правильный, безошибочный выбор, который может стать моральной обязанностью, быть тождествен долгу. Спрашиваемое уже известно как долг, должное. Понятие долга в данном случае берется в общеупотребительном значении такого основания действия, которое имеет приоритет перед всеми другими. И не просто приоритет, а такой приоритет, который предшествует и возвышается над всеми другими основаниями дей-

¹ Это убеждение идет от Аристотеля, согласно которому цель этики – не познание, а поступки, и изучают ее для того, чтобы знать, «как следует поступать» (EN 1103 b).

² Рассматривая формальную структуру вопрошания, М.Хайдеггер говорит: «Всякое спрашивание есть искание» (Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011. С. 5).

ствий. В этом вопросе спрашивается не о долге в том или ином отношении, в конкретных видах деятельности, особых ситуациях и т. д., а о долге как таковом – безусловном долге. Тем самым понятие долженствования приобретает философскую размерность и берется в предельном значении. Искомым предметом, спрашиваемым, является должное как безусловное начало в том, что касается действий, деятельности.

Кто спрашивает? Вопрос формулируется от имени «Я». Но кто стоит за этим «Я»? Ответ очевиден и в своей очевидности существенен: тот, кто делает, совершает действия. Это не может быть человек вообще, ибо человек вообще ничего не делает. И не могут быть группы людей, ибо, хотя они и могут быть субъектами действий, тем не менее их коллективные действия подчиняются законам, находящимся за пределами долженствования. Не «человек», не «мы», а именно и только «Я» может задавать такой вопрос. Подобно тому, как спрашиваемое совпадает с долгом самим по себе, так спрашивающий совпадает с субъектом самим по себе. Здесь также речь идет о «я» не применительно к тем или иным областям деятельности, каждая из которых предполагает и формирует своего субъекта, как, например, наука – ученого, сельское хозяйство – крестьянина, спорт – спортсмена и т. д., а о «Я» как самой способности человека быть субъектом действия. Спрашивающий – тот, кто принимает решения, сама способность принимать решения, быть источником действия, его творцом. Под «кто» действия имеется в виду «Я» как инстанция, которая творит его, ответственна за него.

Если долженствование включается в поле философии в качестве безусловного, абсолютного долженствования, то и «Я» в рамках философской этики приобретает соразмерный ему статус изначального, безусловного, абсолютного субъекта действия, который стоит за всеми прочими субъектностями индивида и делает их возможными. Индивид становится субъектом долженствования (морали) в той мере, в какой он является ответственной инстанцией того, что он делает. «Я» долженствования не отделено от долженствования, оно совпадает с ним. «Я» и долженствование ссылаются друг на друга. Здесь речь идет о Я с большой буквы, т. к. оно находится в начале «предложения» человеческой деятельности в отличие от всех других многообразных «я» того же индивида, которые находятся внутри того же «предложения» и потому пишутся с маленькой буквы.

Кого спрашивают? В вопросе явно не говорится о том, к кому он обращен. Неявно же он обращен к тому, к кому вообще можно адресовать вопросы – к разумному существу, разум которого способен дать истинный ответ на искомый вопрос. В тексте самого вопроса единственным разумным существом является тот, кто задает вопрос. Спрашивающий и есть тот, кто может быть спрашиваемым. Учитывая, что вопрос является философским, ибо подразумевает знание должного самого по себе, то можно заключить, что он адресован философу. Это – вопрос, который философ задает самому себе. Отсюда не следует, что индивид должен прежде стать философом, чтобы задаваться таким вопросом. Наоборот: задаваясь этим вопросом, он становится философом. Он становится им не в профессионально-цеховом смысле, а по существу, имея в виду, что философ – тот, кто доверяется своему разуму, в разуме видит высший суд и оправдание правильности своей жизни. Спрашиваемым оказывается разум того, кто спрашивает. Задавая себе вопрос «Что я должен делать?», индивид поднимается до уровня автономного субъекта, который сам задает себе программу (закон) своей жизнедеятельности.

Таким образом, «Что я должен делать?» есть вопрос, который каждый человек задает сам себе, чтобы намеренно делать то, что утверждает его субъектность в мире и благодаря чему он может придать собственному существованию безусловный смысл. За этим вопросом стоит понимание морали как такой категории человеческой деятельности, которая составляет основу ее намеренного, сознательно-целесообразного характера.

2.

Действия человека управляются целями, которые в идеальной форме содержат планируемый конечный результат. Это значит: прежде, чем совершить действие, человек принимает решение совершить его. Многообразие и сложности человеческой жизнедеятельности соответствует многообразие и сложность целей, системное единство которых определяется тем, что более общая и важная цель подчиняет себе менее общую и важную, низводя ее до уровня средства. Для того, чтобы гарантировать внутреннее единство жизнедеятельности человека, и для того, чтобы она могла состояться в качестве целесообразной, необходимо в системе целей дойти до самой общей и важной цели, за которой уже нет другой цели и которая не может быть низведена до уровня средства. Эта последняя, высшая цель цементирует всю систему целей субъекта и, будучи конечной, в то же время соучаствует во всех прочих целях, составляет их общую ценностную основу. Она придает осмысленный характер жизнедеятельности человека. Человек не может отказаться от идеи последней, высшей, замкнутой на саму себя цели, которую можно было бы также назвать сверхцелью, самоцелью целью. Поэтому поведение человека всегда заключает в себе некий смысл, который указывает на ту сверхцель, на которую оно ориентировано. Это, разумеется, не означает, что смысл поступков всегда адекватно осознается действующим субъектом или что их цель задана в качестве намеренной установки, но она непременно присутствует, вписана в опыт сознательной жизнедеятельности. Разъясняя эту особенность человеческого поведения, Л.Н.Толстой приводил такое сравнение. Человек, двигаясь, движется всегда в определенном направлении; он не может сделать шага, чтобы не обозначить, не выбрать тем самым и направления, в котором он этот шаг сделал. Точно так же, совершая конкретные поступки, он помещает их в определенный смысловой ряд, ориентирует на ту или иную сверхцель.

В само понятие человеческого способа существования входит наличие такой цели, которая не может быть средством и заключает свою ценность в себе, и которая является в пределах целесообразной деятельности абсолютной. Именно она задает моральный вектор поведению человека. Вопрос «Что я должен делать?» может быть теперь конкретизирован следующим образом: каковы поступки, которые ценны сами по себе, имеют абсолютный смысл и которые я могу вменить себе в долг? На первый план выходит вопрос о моральных *поступках*, о самой их возможности. Речь идет о том, возможны ли и, если да, то каковы поступки, единственным субъективным основанием которых является моральный мотив?

3.

В сложной совокупности мотивов человеческих поступков и поведения в целом мораль занимает особое место. Для понимания этого места важное значение имеет идея двойной мотивации поведения. Последняя была задана в качестве некой парадигмы уже в поэмах Гомера, в последующем она трансформируется, уточняется, но в своей существенной основе сохраняется до настоящего времени и занимает важное место в теоретических образах морали.

В поэмах Гомера поведение героев всегда мотивировано двояко: с одной стороны, все их поступки задуманы, спровоцированы, прямо направлены богами на Олимпе, с другой – обоснованы с точки зрения нормальной человеческой психологии и обычных критериев выбора. Ведь почему началась Троянская война? Ее устроили богини Афина и Гера в отместку Парису за то, что он выбрал не их, а Афродиту, которой досталось ставшее знаменитым злополучное яблоко раздора. Так говорится в мифе. Но в то же время эта война началась и по совершенно земным причинам, из-за которых всегда происходили столкновения между людьми. Парис увёл жену Менелая, и это было вполне достаточной причиной для ссоры, а поскольку речь шла о царях, то и для войны. Здесь сходятся две линии детерминации поведения: герои делают то, чего хотят боги, и одновременно то, к чему их толкают их человеческие страсти. Вспомним еще эпизод, в котором Ахилл глумится над прахом поверженного Гектора. Потом он принимает решение вернуть тело Приаму – отцу Гектора. Это была воля Зевса: ему пожаловался Аполлон, и Зевс повелел Ахиллу вернуть прах. Но у Ахилла были для этого и другие причины: он отдал тело за выкуп. Был еще один мотив, психологический: Ахилл представил своего старого отца, ожидающего его с войны, и сравнил его с Приамом, который убивается по своему погибшему сыну. У Ахилла были вполне нормальные человеческие основания вернуть тело Гектора Приаму. То есть то, чего хотят боги, – мотивация «сверху», с Олимпа, и мотивация людей «снизу», связанная с земными интересами и страстями – с корыстью, выгодой, богатством, ненавистью, дружбой и т. д., – замечательным образом совпадают. Герои хотят того же, чего хотят боги. На этом построен уникальный, удивительный мир гомеровских героев.

Позднее эта идея развивается, обогащается, конкретизируется. Например, у Сократа был свой ангел-хранитель, свой даймоний, который, уместно заметить, никогда не указывал, что Сократу надо делать, а только от каких действий тот должен воздерживаться. Философ слушался его предостережений, доходивших до него в форме мистического внутреннего голоса, и всегда это оборачивалось для него благом. То есть у Сократа наряду с теми мотивами, которые он понимал и просчитывал, были другие, ему непонятные, исходящие свыше.

Идея двойной мотивации разнообразно и многократно осмысливалась в культуре. Очень важной вехой в этом процессе была философская схематизация человеческого поведения, которую предложили стоики. Они выделили два уровня ценностей. Первый уровень – витальные ценности, согласно которым мы здоровье предпочитаем болезни, жизнь – смерти, богатство – бедности. Второй уровень – уровень собственно моральных ценностей, по отношению к которым ценности первого уровня совершенно нейтральны. По мнению стоиков, уровень моральных ценностей, или противоположность добродетели и порока, никак не зависит от того, как складывается судьба человека, является ли он больным или здоровым, бедным или богатым. Первый

уровень – это эмпирическая жизнь человека, которая от него никак не зависит и принадлежит судьбе. Второй уровень – отношение человека к первому уровню или к своей судьбе; это уже полностью зависит от человека. Стоики утверждают, что человек может или принять судьбу независимо от того, как она складывается, и тогда он будет внутренне свободным и нравственно добродетельным, или противостоять судьбе, отчаиваться, бороться, и тогда он обнаруживает свою неразумность, ведет себя уже не как мудрец, а как неуч, профан. Если, – приводят пример стоики, – собака привязана к едущей коляске, то коляска ее потащит, даже если она будет упираться. Это и есть, по их мнению, поведение людей-профанов. Мудрец же будет подобен той собаке, которая сама охотно побежит за коляской, поскольку не может сделать ничего другого. Стоики считали: судьба неотвратима. Она ни на йоту не зависит от человека, его сознательной воли. Но есть одна вещь и только одна, которая зависит от человека и зависит полностью: или невозмутимо принять судьбу, как если бы она не имела для него никакого значения, или пытаться изменить ее. В первом случае его поведение будет разумным, добродетельным. Во втором случае – неразумным, порочным. Здесь для нас важно следующее: стоики выделяли в человеческом существовании то, что имеет для человека непреходящий смысл и зависит только от него самого, что утверждает человека в его абсолютности, и с этим они связывали его добродетельность.

Разведение по разным параллельным плоскостям морального мотива и всех прочих максим поведения, долга как единственного морального мотива и склонностей во всем их природно, социально, психологически обусловленном многообразии составляет стержень этики Канта. Мораль в его понимании является причинностью из свободы, она представляет собой внутренний взгляд на поступок, рассматривающий его в ничем не ограниченной перспективе идеального царства целей. Тот же поступок, рассмотренный с внешней стороны, является результатом вполне эмпирических и вполне просчитываемых мотивов. Эти два взгляда совершенно не зависят друг от друга, вплоть до того, что могут полностью противоречить друг другу. В связи с этим Кант приводит хороший пример. Допустим, игрок жульническим способом выиграл в карты. И, несмотря на полученную выгоду, он в глубине души понимает, что сжульничал, вел себя недостойно. Для того, рассуждает Кант, чтобы сказать, что я совершил нечто подлое, нужен, конечно, совершенно другой критерий, чем для того, чтобы сказать: я пополнил свою кассу³.

Следует указать еще на одну теорию поступка, которая основана на принципиальном разграничении его моральной и содержательной детерминированности; она принадлежит М.М.Бахтину и изложена в его трактате «К философии поступка». Когда мы говорим об акте деятельности, поступке, в нём надо различать два аспекта: само бытие акта (факт его совершения) и его содержание. Как факт поступок (акт деятельности) замкнут на конкретного индивида, является выражением единственной неповторимости его жизни. А своим содержанием поступок развернут в мир, зависит от него. Соответственно этим двум аспектам акта деятельности ответственность за него также является двусторонней: ответственность за его бытие и ответственность за его содержание. Первая ответственность является нравственной, она выражает нравственную сущность человека. Вторую ответственность Бахтин называет специальной, она характеризует знания и умения человека; область специальной ответственности Бахтин ещё называет теоретическим

³ См.: *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 356.

миром, понимая под ним всё то, что придаёт деятельности рационально-осмысленный вид, направляет её по продуманному, целесообразному руслу. В едином плане действия, рефлексированного в обе стороны – в сторону действующего индивида и во внешний мир, исходным, базовым, основным, с точки зрения Бахтина, является сам факт действия или нравственная ответственность. Специальная ответственность вторична, является следствием, приобщённым моментом. Действие становится поступком не в силу того, что оно закономерно, обосновано и т. д., а в силу того, что оно является способом существования, формой участия в бытии того индивида, который совершил это действие. Место морали там, где все зависит от решения индивида, от его решимости взять на себя риск поступка. Поступок есть форма нравственной ответственности потому, что он не может быть совершен никем, кроме того, кто его совершает, ибо в той точке бытия, в которой имеет место поступок, находится только он.

Решение совершить поступок не зависит от его содержания. Или, как говорит Бахтин, из теоретического мира не существует перехода в мир поступка, из специальной ответственности нельзя вывести нравственную ответственность. Одно дело, какие возможны действия, как они классифицируются по разным критериям, и совсем другое дело, на какие действия решается тот или иной индивид. Из расписания движения поездов нельзя узнать, куда мне ехать и должен ли я вообще куда-нибудь ехать. Из «есть» не следует «должно». Какие совершить действия, куда ехать – это исключительно моё решение, факт моего индивидуального бытия, факт самого бытия в моём индивидуальном выражении. Автономность нравственной ответственности, её первичность по отношению к специальной ответственности Бахтин выразил в следующем афористическом высказывании: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним»⁴. От специальной ответственности перехода к нравственной ответственности не существует. Но обратный переход возможен и обязателен. Нравственная ответственность получает продолжение в специальной ответственности. После того, как принято решение о поступке, дальнейшие действия определяются уже его содержанием. Когда человек решил, куда ему ехать, он обращается к расписанию поездов и, оставаясь нравственной личностью, становится одновременно пассажиром.

Поступок, рассмотренный в его нравственном аспекте, по Бахтину не является результатом знаний и умений, не поддается обобщению, позволяющему поместить его в какой-либо серийный ряд; он является нравственным постольку, поскольку выражает, воплощает, впечатывает в бытие саму личность в единственности ее бытия в мире. Серийность и единственность – признаки, которые самым прямым и точным образом выражают специфику соответственно специальной и нравственной ответственности. Субъект специальной ответственности сериен: в этом случае индивиды заменяемы. Субъект нравственной ответственности единственен: в этом случае индивида не может заменить никто.

Итак, существует два разных уровня мотивации человеческого поведения, которые расчленяют все действия на два класса по критерию того, зависят они от действующего индивида или нет. Обычные мотивы, которыми руководствуются все люди, задаются обстоятельствами, психологией, внешними влияниями. Это именно эмпирические мотивы, которые объективны, включены в причинную связь мира. С точки зрения эмпирического содержания в человеческих поступках нет никакой тайны или мистики, их можно

⁴ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 37.

«вычислить» с той же точностью, с которой рассчитываются любые естественные процессы, скорость ветра, солнечные затмения и т. п. Речь идет только о полноте сведений, которые нужно включить в этот расчет. Что же касается моральных мотивов, то они взвешивают поступки людей на каких-то других весах, переводят их в некий идеальный мир, которого не существует. Они совершенно автономны.

Надо заметить: философские рассуждения в данном случае вполне коррелируют с обычными представлениями, которые также различают эмпирические и моральные мотивы. Эмпирические мотивы, как принято думать, нацелены на определенный результат, целесообразны, сопряжены с той или иной выгодой и т. д. Моральные же мотивы считаются бескорыстными, они заключают свою ценность в себе. Особый интерес в этом смысле представляет феномен раскаяния. Суть раскаяния состоит в том, что человек пытается изменить то, что, казалось бы, изменить невозможно. У нас нет власти изменить то, что мы уже сделали, прошлое нам не принадлежит. А раскаяние заключается как раз в том, чтобы изъять, вырвать некий поступок из причинного ряда, который обуславливает наше поведение, отнестись к этому поступку так, как если бы его не существовало. Тем самым фиксируется, что, хотя поступок и был совершен, он не был достоин быть совершённым. Особенность раскаяния состоит не в том, что через него человек обманывает себя, пытаясь забыть свой дурной поступок, бросить его в Лету. Нет, наоборот, механизм раскаяния предполагает, что человек специально высвечивает этот поступок, чтобы не дать себе забыть о нем, чтобы его не унесла река забвения, чтобы он все время оставался в сознании. Для этого он специально извлекается из глубин памяти и постоянно держится в актуальном состоянии, «на виду» как напоминание опасности, которую надо избегать.

Два ряда мотивов независимы друг от друга в том смысле, что у них разные источники. Но они касаются одних и тех же поступков, представляют собой разные проекции, разные взгляды на одни и те же поступки. Моральные мотивы занимают такое место и выполняют такую же функцию, как и олимпийские боги в гомеровской схеме поведения героев. Моральные мотивы отличаются от прочих не только тем, что проистекают из другого источника, из которого только они и проистекают, и рассматривают поступки в совершенно другой перспективе. Но еще и тем, что они лишены случайности, которая свойственна эмпирическим (неморальным) мотивам. Мораль обладает своей необходимостью, которая от необходимости поведения, задаваемой внешними обстоятельствами, природными и социальными потребностями и интересами, отличается тем, что она имеет безусловный характер.

Как эти два ряда мотивов связаны между собой? В чем смысл и назначение моральных мотивов? Ведь моральные мотивы избыточны, с точки зрения фактического содержания они ничего к поступку не добавляют. Они могут только санкционировать поступок или наложить на него запрет. Моральные мотивы не находятся в общем ряду с разнообразными мотивами, которые связаны с удовольствиями, богатством, карьерой и т. д. и которые мы обобщенно назвали эмпирическими. Они находятся за ними, над ними, они не детерминируют поступок, не участвуют в определении его эффективности, целесообразности, возможных последствий и т. д., они только оценивают его с точки зрения того, может ли индивид приписать его себе, взять на себя ответственность за данный поступок с такой полнотой, чтобы он мог открыто сказать: да, это сделал я. Мотивация поведения – сложный, многоступенчатый процесс. Мораль в том или ином виде, возможно, присутствует

на разных ступенях этого процесса, однако она выходит на передний план на заключительной ступени, когда принимается окончательное решение и осуществляется переход от намерения к самому поступку. На этой ступени моральное осмысление предстоящего поступка становится решающим. Мораль в системе психологического «производства» поступков играет такую же роль, какую отдел технического контроля играет в производстве товаров. Как этот отдел окончательно исследует уже готовую продукцию перед тем, как выпустить ее на товарный рынок, с точки зрения ее соответствия заданному стандарту и выбраковывает те изделия, которые ему не соответствуют, так и мораль пропускает через свои критерии уже готовые поступки перед тем, как выпустить их на «рынок» общественного поведения, и санкционирует их, если они им соответствуют, или выбраковывает, накладывает запрет на них, если поступки этим критериям не соответствуют.

4.

Моральная санкция (одобрение) и моральный запрет представляют собой последнее звено при принятии решения. Они, фигурально выражаясь, или открывают наружную дверь поступку, чтобы выпустить его из внутреннего мира личности во внешний мир людей, из субъективного мира в объективный мир, или, напротив, закрывают ее, чтобы поступок не смог вырваться наружу. Эти две процедуры существенно различаются между собой.

Все поступки, которые совершает индивид, получают его нравственную санкцию. Все они являются поступками, которые прошли экспертизу морального качества. Сам факт того, что они произошли, означает, что они получили моральное одобрение. Отсюда следуют несколько очень важных выводов. Во-первых, добродетельность этих поступков совпадает с их добротностью. Они совершаются в силу целесообразности, по своим вполне конкретным прагматичным мотивам, которые лишь дополнительно усиливаются моральным одобрением. Моральное одобрение является в этом случае вторичным, приобщенным и случайным моментом⁵. Отсюда, между прочим, следует, что о каких бы поступках речь ни шла, моральная чистота их мотивов может во всех случаях быть поставлена под сомнение, ибо за ними всегда стоят еще и иные, вполне прагматичные мотивы. Именно данное обстоятельство позволяло одним теоретикам, например Н.Г.Чернышевскому, рассматривать моральные мотивы как форму разумного эгоизма, а другим, как, например, Канту, утверждать, что в мире, возможно, не было ни одного поступка, совершенного ради долга. Во-вторых, моральные правила и оценки, на основании которых осуществляется одобрение поступков, могут быть столь же разнообразными, как и сами эти поступки, они могут вполне противоречить и часто противоречат друг другу (типичный случай, когда то, что считается у одних групп людей приличным, у других является постыдным). В-третьих, всё, что мы делаем, мы можем описывать и всегда явно или неявно описываем (характеризуем) в моральных терминах, выстраиваем по оси добра, справедливости и т. д. Ведь в самом широком смысле добро и есть позитивность нашего поведения, то, к чему мы стремимся, а зло – его негативность, то, чего мы избегаем. Большого смысла в такой привязке действий к оси нравственных ко-

⁵ «Все содержательные нормы, даже специально доказанные наукою, будут относительны по отношению к долженствованию, ибо оно пристегнуто к ним извне» (*Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. С. 25*).

ординат нет. Любое действие любого индивида может быть привязано и привязывается им к этой оси. Каждый считает, что он поступает нравственно. Поэтому многие в своей жизненной практике стараются избегать апелляции к морали. И уж совершенно несомненно, что такие апелляции очень часто содержат в себе большую долю лицемерия и фальши. Неслучайно склонность к морализированию, как и люди, в которых такая склонность сильно развита, пользуются в зрелом обществе плохой репутацией. Это – отдельная самостоятельная (к сожалению, плохо изученная) тема: когда, как, с какой целью люди прибегают для оправдания своих действий к моральным аргументам и насколько сама склонность к моральным оценкам (в особенности, инвективам) может считаться индикатором злоупотребления моралью.

Словом, моральные санкции поступков конкретны, ситуативны, изменчивы, как и сами поступки. Нравственные предписания и оценки, в свете и на основании которых осуществляется одобрение поступков, связаны с самими поступками совершенно произвольно. Как из понятия вещи нельзя вывести ее бытие, так из моральной нормы или оценки нельзя вывести поступки. Из любви к отечеству два гражданина, один из которых является генералом, а другой пацифистом, совершают разные поступки. Посредствующим звеном между моральным предписанием и поступком является сам поступающий тем или иным образом индивид. Он подводит поступок под предписание и соответствие первого второму остается исключительно на его совести. Безусловность, абсолютность нравственного предписания размывается, размывается в условности, относительности его индивидуальных интерпретаций.

Абсолютность морали не может получить действительного воплощения в адекватных позитивных поступках, т. к. последние зависят не только от морали; вообще не существует поступков, субъективным основанием которых были бы исключительно моральные мотивы. И в то же время абсолютность является специфическим признаком морали, вся логика морального сознания держится на убеждении, согласно которому человек несет моральную ответственность за все, что он делает. Из данного противоречия как будто бы неизбежно следует вывод, что мораль в абсолютности ее норм и оценок есть всего лишь благое пожелание, иллюзия, форма человеческого самообмана. В действительности, однако, это не так. Универсальность нравственной ответственности базируется на том фундаментальном факте, что все совершаемые человеком поступки являются результатом его собственных решений, принятых в процессе сознательного взвешивания мотивов, результатом его собственного выбора. Моральные мотивы, конечно, никак не определяют ни содержание поступка, ни его последующую судьбу, они лишь позволяют ему состояться в качестве поступка данного конкретного индивида. Но именно то обстоятельство, что они дают разрешение на поступок и что, следовательно, каждый индивид по поводу каждого своего поступка может, и, оставаясь честным перед самим собой, даже обязан сказать: «Я мог бы не совершать его», именно данное обстоятельство является источником абсолютизма морального самосознания, универсального характера нравственной ответственности. Тем самым вопрос о моральных основаниях деятельности человека переходит в вопрос о том, что он должен не делать, в вопрос о моральных запретах.

Связь нормы и поступка в случае моральных запретов является качественно иной. Действенность запрета обнаруживается в том, что человек не совершает определенных поступков. Он не совершает их в качестве сознательной, намеренно избранной позиции. Поступок, который не совершается в силу морального запрета, может быть назван негативным поступком.

Для негативного поступка существенны два момента. Не всё, что мы не делаем, относится к области негативных поступков, а только то, что мы не совершаем из того, что нам очень хочется совершить. Это происходит тогда, когда мы накладываем запрет на какие-либо поступки, к которым нас настоятельно побуждают страсти, внешние обстоятельства, желания, соображения выгоды и т. д. К примеру, когда люди не лгут и не убивают, они не нарушают соответствующие запреты. Это не значит, однако, что они совершают при этом негативные поступки. Соответствующие запреты приобретают действительный смысл и становятся поступками, когда у индивида появляются настоятельные побуждения и причины солгать или совершить насилие, но он, тем не менее, этого не делает. Это первый важнейший признак негативного поступка: человек не делает того, что он охотно бы сделал, если бы ничто этому не препятствовало. Но и препятствия могут быть разные. И здесь мы переходим ко второму признаку. Индивид может отказаться от желаемого поступка из-за того, что нет возможности совершить его, из-за боязни разного рода последствий и т. д. Отказываясь от морально уязвимых соблазнов из прагматических соображений, индивид, конечно, не делает того, что он не должен делать. Но, тем не менее, это не будет негативным поступком. Для этого ему не хватает адекватного мотива. Негативным будет только то, от чего действующий индивид отказывается несмотря не только на соблазны, но и на наличие всех возможностей совершить его, кроме одной единственной – моральной санкции. Отказ от желательного и реального по своим возможностям действия становится негативным поступком тогда, когда действие не совершается *только* в силу морального запрета, когда нет других оснований не совершить его. Негативный поступок, если можно так выразиться, позитивен в своей негативности: это – не то, что я вообще не делаю в силу разных причин и мотивов (не испытываю потребности, воздерживаюсь из-за благоразумия, расчета, страха и т. д.), а то, чего не делаю именно в силу долга, в силу морального решения не делать этого. Не делаю и тогда, когда за ним могут стоять дружеские привязанности, чувство стыда и другие моральные чувства, и когда его совершение гарантированно может обернуться выгодой, не делаю только потому, что это морально запрещено.

Негативный поступок негативен в обоих основных значениях понятия негативного. Он негативен в фактическом смысле: это поступок, которого нет, который не совершен, заблокирован на стадии своего перехода от субъективной стадии к объективной. Он негативен и в ценностном смысле: это поступок, которого нет в силу его порочности, в силу того, что он не получает моральной санкции. Негативный поступок есть поступок, который не состоялся в фактическом смысле из-за того, что он несостоятелен в смысле ценностном. Формула негативного поступка такова: я не делаю этого потому, что я должен не делать этого.

5.

Негативный поступок, на мой взгляд, воплощает характерные особенности морали, в силу которых она становится предметным полем практической философии.

Во-первых, негативные поступки соответствуют критерию моральной абсолютности. Они абсолютны в том смысле, что моральный индивид имеет над ними абсолютную власть и для их совершения не требуется ничего, кро-

ме доброй воли, кроме моральной решимости. Джордж Мур проводит такое различие между моральными обязательствами⁶. Он говорит, что существуют правила долга и идеальные правила. Правила долга категоричны, касаются они собственно поступка, а вернее говоря, перехода намерения в действие. И здесь власть человека абсолютна. Это может быть его долгом. Совершить или не совершить какой-то поступок, дать волю тем или иным своим замыслам или, напротив, отказаться от них, – это на все сто процентов находится во власти человека. Что касается идеального правила – оно распространяется также на желания, намерения, замыслы, которые во многом складываются спонтанно и не зависят от сознательной воли человека, не находятся в полной его власти. Человек не может контролировать всю совокупность желаний, намерений, даже игру ума, которая также часто не считается с границами добра и зла. Поэтому требование чистоты намерений может иметь только идеальный характер, является пожеланием. Это различие коррелирует с тем, что в философии традиционно обозначалось как различие между совершенным и несовершенным долгом. Дж. Мур хорошо иллюстрирует это различие на примере двух заповедей Моисея: седьмой заповеди «Не прелюбодействуй!», которая вполне подпадает под правило долга, и десятой заповеди, где среди прочего сказано: «Не пожелай жены ближнего твоего», что можно рассматривать только как идеальное правило. Про норму «Не прелюбодействуй» мы можем сказать, что следование ей целиком находится во власти человека как существа, разумно контролирующего свои действия; и, надо думать, существовали и существуют люди, которые следуют этой норме. Иное дело – норма «Не пожелай жены ближнего твоего». Такое желание может возникнуть произвольно, в том числе и у того, кто находит его порочным. Негативный поступок несомненно является случаем правила долга. Он целиком и полностью находится в рамках пространства индивидуальностоответственного поведения, зависит от одного лишь морального мотива.

Далее, во-вторых, негативные поступки общезначимы в тех пределах, в каких возможно согласие между людьми относительно моральных запретов. Что касается позитивных поступков, то они не могут быть общезначимыми в принципе, потому что в своем предметном содержании они всегда связаны с особенными, частными обстоятельствами и поэтому в качестве поступков они не могут иметь общезначимого смысла. Даже в воображении нельзя себе представить, чтобы все люди вдруг стали бы делать одно и то же. Негативный поступок отличается тем, что здесь общая посылка или принцип морали сразу переходит в вывод, становится поступком, здесь нет среднего (частного, особенного) звена. Говоря точнее, малая (частная) посылка, включающая особенные обстоятельства, здесь представлена как то, что подвергается отрицанию. Вопрос об общезначимости негативных поступков есть вопрос о способности людей осознать запреты, которые являются начальными условиями их общежития и прийти к согласию относительно их(запретов) морального статуса. Выработка таких запретов и принятие их в качестве безусловных моральных норм – это исторический процесс, сложный, многофакторный, одним из моментов которого, между прочим, является и его философское осмысление.

Можно говорить, по крайней мере, о двух запретах – запрете на насилие и запрете на ложь – относительно которых на сегодняшний день в человеческом сообществе существует разумно аргументированное согласие и которые входят в этические каноны всех великих культур. Эти запреты в качестве мо-

⁶ См.: Мур Дж. Природа моральной философии / Пер. Л.В.Коноваловой. М., 1999. С. 334.

рально оправданных всерьез никто не отрицает. Они на сегодняшний день приняты в качестве принципов, норм, но они не вошли в быт, не стали человеческой повседневностью. Хотя они и признаются как принципы, но, тем не менее, все время предпринимаются попытки коррумпировать эти принципы, обосновывать те или иные исключения из них. Даже если в ответ на эти рассуждения можно резонно возразить, что запреты, и именно как раз категорические запреты, также нарушаются, более того, сам их категорический характер находит продолжение и подтверждение в отступлениях от них, тем не менее, следует признать, что по критерию категоричности запреты принципиально выше, чем позитивные предписания.

В-третьих, негативные поступки элементарны. И очевидны в своей элементарности. Их замечательная особенность состоит в том, что относительно них трудно обмануться. Когда человек совершает так называемые добрые дела, то всегда остаются сомнения относительно нравственной чистоты мотива. Ведь даже такие, казалось бы, сугубо моральные деяния, как акты благотворительности, могут быть превращенной формой самолюбования, выражением нечистой совести. Негативные поступки по сравнению с так называемыми добрыми делами имеют то отличие и преимущество, что они легко, строго и однозначно идентифицируются. Человек, который хоть скольконбудь честен с самим собой, всегда знает, когда он солгал, а когда – нет. Правда, когда он избегает искушения солгать, то это не всегда происходит исключительно по причине морального запрета. Но совершенно несомненно, что в этом случае он действует в соответствии с запретом.

Кажется, что, сводя мораль в ее абсолютных притязаниях к запретам и негативным поступкам, мы обедняем, примитивизируем моральный мир. На самом деле это, конечно, не так. Негативные поступки имеют исключительно духовную природу. В отличие от позитивных поступков, которые имеют еще и эмпирические мотивы, негативные поступки совершаются исключительно в силу духовных принципов человека, воплощенных в нравственных запретах. И если нравственно чистые поступки вообще существуют, то это, конечно, негативные поступки.

Обобщая особенности негативных поступков, можно сказать, что человек обнаруживает свое нравственное качество не только и не столько в том, что он делает, сколько в том, чего он не делает. Мы по-настоящему нравственны, нравственны без обмана и самообмана тогда, когда мы воздерживаемся от дурного, когда мы блокируем в себе искушения и соблазны. В своих позитивных действиях мы можем быть и бываем успешными, эффективными, ловкими, благоразумными, профессиональными, удачливыми. Плюс ко всему, эти действия могут считаться добрыми, благочестивыми, благожелательными. Однако эта добавочная нравственная оценка, как правило, не поддается проверке и не очень много дает для лучшего понимания действий в их фактическом содержании. Для негативных же поступков нравственная квалификация является обязательной и решающей, т. к. за ними стоит моральный запрет, если и не в качестве единственной причины, то, по крайней мере, в качестве обязательной. Моральные запреты и воплощающие их негативные поступки очерчивают то пространство, в рамках (границах) которого мораль разворачивается как позитивная деятельность, добро и долг совпадают с целесообразностью, нравственная ответственность соединяется со специальной ответственностью. Они задают пространство человечности, деятельность внутри которого, в каких бы конкретных формах она ни разворачивалась, может претендовать на то, чтобы считаться нравственно оправданной, достойной.

Для того, чтобы понять соотношение моральных запретов и негативных поступков с позитивными моральными нормами и поступками, нужно различать два вопроса: 1) каковы те дела, которые я делаю в силу моральных критериев; 2) соответствуют ли моральным критериям те дела, которые я делаю. Ответ на первый вопрос состоит в том, что такими делами являются негативные поступки. Ответ на второй вопрос состоит в том, что соответствуют, если не противоречат первому, т. е. не нарушают моральные запреты.

Словом, моральный абсолютизм может получить обоснование в рамках негативной этики, если употребить это непривычное словосочетание в значении аналогичном негативной теологии. Основопологающим для негативной этики является вопрос: «Что я должен не делать?» Она отождествляет нравственный долг с негативными поступками.

6.

В заключение – две иллюстрации, показывающие плодотворность концепции негативной этики. Первая касается парадокса морального совершенства. Моральное совершенство понимается как стремление к совершенствованию. Оно возникает на почве осознания человеком собственного несовершенства и сопровождается углублением этого осознания. И чем совершеннее человек, тем более он недоволен собой, критичен по отношению к своим моральным возможностям, достоинствам, качествам. Несомненный и общепризнанный факт таков: чем нравственно совершеннее индивид, тем сильнее осознание им собственной порочности. Движение вверх осуществляется через падение вниз. Парадоксальность состоит именно в том, что здесь несовершенство выступает мерой, критерием морального совершенства. Как же это возможно? Что это означает? Если исходить из того, что нравственное самосовершенствование человека реализуется через негативные поступки, то вся загадочность этой ситуации исчезает, и она оказывается до удивления банальной. Ибо чем более человек совершенствуется в форме негативных поступков, чем больше он совершает таких поступков, тем более он обнаруживает свою потенциальную склонность к порочным, недостойным действиям. Ведь негативный поступок и состоит в том, что мы блокируем в себе соблазны, не даем выхода желаниям, которые с моральной точки зрения неприемлемы. И поэтому чем совершеннее мы с точки зрения культивирования негативных поступков, тем более мы обнаруживаем свою собственную неистребимую склонность к порочным действиям. В этом случае индивид уподобляется человеку, который очищает свою голову от паразитов и тем больше ужасается своему состоянию, чем чище он становится.

Другой парадокс – это парадокс тайного благодеяния. Одна из общепризнанных мудростей морального сознания состоит в утверждении, что человек не должен выставлять напоказ, кичиться своими моральными достоинствами и добрые дела надо делать втайне; или, как сказано в Евангелии от Матфея, «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3–4). А как это возможно? Если это дело, то оно не может быть тайной для того, на кого оно направлено. Если это доброе дело, то оно не может быть тайной для того, кто его совершает, ибо доброе дело – это всегда намеренное дело. Так вот – что же это за добрые дела, которые должно совершать втайне, притом втайне и от других и от себя? Мне кажется, все становится на свои места, если опять-таки обратиться к идее негативной этики и нравственный поступок

понимать как негативный поступок. Негативный поступок потому и является негативным, что остается на уровне замыслов и потому втайне от других. Но он остается в тайне и для того, кто его совершил, ибо в своем фактическом содержании, в силу которого он только и мог бы стать явным, этот поступок является не добродеем, а злодеем. Человеку, например, не придет в голову кичиться тем, что он хотел солгать или совершить иной порочный поступок. Хотя тот факт, что он избежал соблазна, конечно, дает некое основание для гордости, но тот факт, что у него были дурные намерения, конечно, будет понуждать его к этической скромности и сдержанности. В такой ситуации человека охватывает не столько гордость из-за того, что он не совершил злодеяние, сколько ужас из-за того, что он мог бы его совершить. Он подобен пешеходу, чуть не угодившему под колеса мчащегося мимо автомобиля: тот не предается радости из-за того, что он избежал смертельной опасности; его скорее охватывает страх и прошибает холодный пот из-за того, что эта опасность была так близка.